

*Светлана*  
**ДЕМИДОВА**

*Любовь к человеку-ветру*



*истории  
любви*



# Светлана Демидова

## Любовь к человеку-ветру

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=180999](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180999)  
Любовь к человеку-ветру: Эксмо; Москва; 2009  
ISBN 978-5-699-34705-6*

### Аннотация

Есть люди, которые идут по жизни легко – без раздумий и сожалений. Они, словно ветер, врываются в вашу жизнь и, перевернув ее, уходят прочь, оставляя распахнутые окна и трепещущие от сквозняков занавески. С таким человеком и свела судьба Машу.

Она отдала ему свою любовь, не зная, что за его лучезарной улыбкой таится не только вековой холод, но и кое-что пострашнее. То, что приведет ее на край гибели и заставит взглянуть в глаза смерти.

# Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

66

# Светлана Демидова

## Любовь к человеку-ветру

Как только он вошел, Маша сразу догадалась, что сегодняшней день – именно тот, которого она ждала много лет. На другой стороне стола, как раз против нее, был свободный стул. Вообще-то он предназначался для тети Наташи, но она заболела прямо накануне дня рождения брата, отца Маши, и прийти не смогла. Никто на этот стул так и не сел, и нетронутые столовые приборы продолжали весело поблескивать начищенным мельхиором прихотливо гнутых вилок и ножей с узорными рукоятками. Хрусталь с особой насечкой испускал во все стороны бриллиантовые искры, а глянцевый фарфор праздничных тарелок поражал воображение голубоватой морозной белизной. Все это нетронутое великолепие, красующееся рядом с другими тарелками, измазан-ными цветными слоями селедки под шубой и растекшимся холодцом, предназначалось ему, Александру Григорьевичу Павловскому, папиному другу детства.

Извинившись за опоздание перед отцом и его гостями, Александр Григорьевич вручил имениннику бутылку дорогого коньяка, сказал несколько приличествующих случаю слов, выпил штрафную стопку водки и наконец сел напротив Маши. Ему тут же наложили на тарелку гору салата, кусочек селедочки, солененький огурчик в трогательных пупырыш-

ках, крепенький маринованный помидорчик, пару ломтиков сервелата и рулетик из буженины с чесноком и зеленью. Павловский на все это даже не взглянул. Он сразу посмотрел в глаза Маши, и она окончательно поверила, что сегодняшний день будет особым в череде других, наполненных одним лишь ожиданием.

И этот день стал таким, в каком она давно мечтала очутиться. Прилично захмелевшие гости ели, пили, веселились, танцевали, пели и рассказывали анекдоты. Александр Григорьевич так и сидел над своей тарелкой со скорчившимся от скуки огурцом, лопнувшим помидором и развернувшимся рулетиком, из которого прямо на праздничную скатерть, расшитую голубыми цветами, по капле слезно сочилась чесночная начинка.

Маша, не отрываясь, смотрела в серые глаза папиного друга до тех пор, пока не поняла – пора!

Она встала из-за стола и быстрым шагом вышла в полупустую кухню, из которой в комнату были вынесены стол и все табуретки, и выжидающе обернулась к дверям. Руки Павловского, который вслед за Машей материализовался в кухне, сомкнулись на ее спине. Его губы нашли ее, и Маша поняла: именно для этой минуты она и родилась на свет. Именно после этой минуты можно и умереть. Но умереть друг отца ей не дал. С сожалением оторвавшись от Машиных губ, Павловский прошептал:

– Поехали ко мне.

Ни слова не говоря, она прошла в коридор, где накинула на плечи плащ. Александр Григорьевич вызвал по мобильнику такси.

В лифте его дома они опять обнялись. И если бы лифт наконец не остановился, они отдались бы друг другу прямо в загаженной зловонной кабине.

В двухкомнатной квартире папиного друга царил первобытный хаос. Среди набросанных на полу вещей негде было ступить. Но этим двоим ступать и не надо было. Они опустились то ли на подушки, то ли на скомканные одеяла, то ли на тюки грязного белья. Все эти мелочи не имели никакого значения. С равным успехом они могли бы прилечь на доски, утыканные гвоздями и посыпанные битым стеклом.

Маша сама рванула полы нарядного шелкового платья цвета чайной розы, специально сшитого к отцовскому юбилею. Многочисленные жемчужные пуговицы запрыгали по всей квартире. Под декольтированным праздничным нарядом не было бюстгалтера. Корчиться, снимая колготки, ей казалось унижительным, и Маша схватила валяющиеся на полу ножницы, которые, как нарочно, оказались рядом. Не отрываясь от губ Александра Григорьевича, змееподобно извернувшись, она одним взмахом вспорола золотистую лайкру колготок и шелк маленьких трусиков. Ей даже не пришла в голову простая мысль о том, что дом Павловского все равно когда-нибудь придется покинуть. Вряд ли у него, старого холостяка, имеется запасное женское белье. Но до этого ли

было Маше?!

– Девочка моя, – прошептал папин друг и мгновенно перешел в иное качество. Он стал любовником дочери своего бывшего одноклассника.

– Виктор мне не простит, – сказал он, когда смог наконец оторваться от Маши.

– Куда он денется? – смеясь, ответила она и еще раз взгляделась в его лицо, хотя давно знала его наизусть. – Я люблю тебя, Саша... Сашенька... Са-шень-ка...

Маша повторяла и повторяла его имя на разные лады. В детстве она, конечно же, звала папиного друга дядей Сашей. Затем, когда поняла, что он слишком много для нее значит, перешла на официальное – Александр Григорьевич. А потом он стал приходить к ним все реже и реже, и Маша уже не называла его никак. Она только ждала очередного визита Павловского. На пятидесятилетие отца он обязательно должен был прийти. И пришел. И вот сегодня она может наконец назвать его так, как ей мечталось по ночам. Она гладила его по шершавым, покрытым жесткой щетиной щекам и плавилась от нежности и любви.

Он улыбнулся. Улыбка была самым главным его оружием. Два ряда белых зубов безупречной формы! Мало кто из женщин мог устоять перед таким голливудским великолепием. Больше ничего голливудского в Павловском не наблюдалось. Среднего роста, с весьма умеренной ширины плечами и обыкновенным русопытым, лишенным особых примет ли-

цом, он был бы незаметен, если бы не эта улыбка. Она рождала на его щеках серии серпообразных складок. От сужающихся щелками глаз к вискам расходились десятки тонких сухих морщинок. Но это вовсе не старило его, наоборот: он казался солнечным, лучистым. Summer son.<sup>1</sup> Сын солнца.

Маша перебирала пальцами морщинки Павловского. Солнечная мудрость. Вечное знание. Он, Саша, был всегда. Он старше пирамид. Она, Маша, еще и не родилась, а он уже был. Ее уже не будет, а он останется. Он будет жить всегда. Она передаст его другой Маше... или новой Еве... или древней бессмертной Лилит, которая знойным вихрем носится сейчас где-то в глубинах Вселенной. Но это потом... когда-нибудь... А сейчас они совпали во времени. Наконец-то совпали!

– Я люблю тебя, – опять сказала она и положила голову ему на грудь.

– Ты сидела на моих коленях, и я кормил тебя манной кашей, – отозвался он.

– Хочешь, теперь я буду кормить тебя кашей?

– Ненавижу каши!

– А что ты любишь?

– Все остальное.

– А меня? Саша, ты меня любишь?

Она спросила и тут же пожалела об этом. Вдруг он не сможет выговорить для нее эти слова! Может быть, он давно за-

---

<sup>1</sup> Summer son (англ.) – сын лета.



метил ее молящий о любви взгляд и наконец решил сделать ей подарок. Подарок дочери на пятидесятилетие отца... Маша накрыла губы Павловского ладонью.

– Нет! Ничего не говори! – прошептала она. – Считай, что я об этом не спрашивала. Я больше никогда не спрошу! Клянусь!

Она легла на спину. Он склонился над ней, легким прикосновением скользнув по телу. Оно изогнулось дугой вслед его пальцам. Пожалуй, они с Павловским могли бы выступать с иллюзионом. Он приближал бы к ней ладони, а ее тело изгибалось бы виноградной лозой и пело бы самую вечную на земле песнь.

Разве так уж важно, любит ли ее Саша? Она его любит, и в этом все дело. Маша встала на колени и прижалась к нему, обняв за шею. Он слегка отстранился, и через минуту по ее коже побежали его губы, горячие и жадные. Она так и стояла на коленях, откинув назад голову и заложив за голову руки, а губы любимого человека уповательно медленно путешествовали по ее телу. Издав протяжный стон, Маша снова упала на те подушки, или одеяла, или одежду – то, что было разбросано по полу, и заплакала навзрыд.

– Что? Машенька? Что-то не так? Я обидел тебя? – испугался Павловский.

– Я... я никогда не была так счастлива, – всхлипывала она и, как ребенок, размазывала кулаками слезы пополам с дорогой косметикой, купленной тоже по случаю юбилея отца.

Павловский присел рядом с ней в позе скорчившегося мальчика Микеланджело.

– Я не имею права тебя любить, – после нескольких минут молчания проговорил он.

Маша помнила только что данную клятву и ни о чем не переспросила.

– Зато я имею право любить кого хочу! – сказала она. – А хочу я любить тебя! И никто не сможет мне запретить!

Она мягко, за плечи уложила его все на те же разбросанные вещи и отдала ему долг любви. Он смущался и пытался сказать что-то вроде: «Не надо», но в конце концов полностью отдался ее ласковым рукам и страстным поцелуям.

– Это черт знает что такое! – Виктор Юрьевич, отец Маши, не смог сдержать возмущения. – Ему же сто лет!

– Папа! Вы с ним одногодки! Почему ты врал гостям, что тебе пятьдесят? – рассмеялась Маша.

– Знаешь, мне не до смеха! Ты хоть в курсе, что он был женат уже три раза и что у него несметное количество отпрысков по всему городу? И это только та вершина айсберга, которая на поверхности! Я уверен, что у него куча женщин по всей стране, а детей и сосчитать нельзя!

– Папа! Мне все равно! Я люблю его! – жестко отрезала Маша.

– Ну и дура! Он бросит тебя, как трех своих предыдущих жен!

– Я ему не жена.

– Он все равно тебя бросит! Не понимаю, что бабы в нем находят: ни кожи, ни рожи! Одни зубы!

Виктор Юрьевич заглянул в глаза дочери и умоляюще проговорил:

– Маша, забудь о нем... пока не поздно!

– Уже поздно.

– Что значит поздно? – испугался отец. – Неужели... неужели ты уже... беременна... Вроде бы еще...

– Папа! – Маша с укором посмотрела на отца. – Разумеется, я еще не беременна. Но мне непонятно, почему тебя это так пугает. Мне не пятнадцать лет! Общественное мнение возмущено не будет! И предохраняться я не собираюсь!

– Маша! Ты знаешь, я мечтаю о том, чтобы ты наконец устроила личную жизнь и родила мне внуков, но... не Сашкиных же детей!

– Ты не сможешь их полюбить?

– Нет! То есть я не знаю! Дело не в этом! Дело в Сашке! Как он посмел?! Старый козел!!!

– Пап! Он не старый... Он... солнечный! – счастливо рассмеялась Маша.

– Гад он! Мы еще поговорим с ним по душам! Этого ты не можешь мне запретить! Мы с ним... знаешь ли... еще до тебя... В общем, он у меня еще свое получит! Казанова! Но, разумеется, не сейчас... Все, побежал...

Виктор Юрьевич поцеловал дочь в макушку, сдернул со

стула пиджак и отбыл на службу. Маша, скорчившись в уголке дивана, оглядела комнату. Да-а-а... Тут она прожила всю свою жизнь... Сначала эта квартира казалась ей самым замечательным местом на земле. Их маленькая семья из трех человек была в ней как-то по-особенному счастлива. Маша никогда не видела родителей ссорившимися или просто раздраженными. В их доме всегда царили покой и уют. Родители очень любили Машу. Она росла в волшебном облаке этой любви, как экзотический цветок в оранжерее. Она с трудом приспособилась к детскому саду, потому что воспитатели очень хотели превратить ее в безликий нейтральный атом общего детского организма, который ест, спит, гуляет, а также рисует и поет не для удовольствия, а для режима. Маленькая Машенька, положительно заряженная в домашнем микроклимате, постоянно ионизировалась и, как могла, протестовала против режимного засилья. В тихий час она могла встать с неудобной раскладушки и пойти к куклам, чтобы, пока никто не мешает, сварить им суп из припасенного за обедом кусочка хлеба или котлеты. Вслед за Машей поднимались другие дети, и очень скоро возмущенные воспитатели потребовали, чтобы родители либо научили дисциплине свою капризную девочку, либо вовсе забрали ее из дошкольного учреждения, которое не обязано приспособливаться к неправильным детям.

Надо отдать должное Машеньке, после первой же беседы с родителями она поняла, что у кукол есть определенный ре-

жим дня, нарушать который никому не позволено. Позже она уже совершенно самостоятельно вывела одну за другой следующие закономерности: если моментально съесть, например, за завтраком даже самую гадкую манную кашу с комочками, то в компанию к тем же куклам можно попасть гораздо раньше других девочек, а если быстрее всех одеться на прогулку, то появится возможность встать в первую пару, а значит, успеть занять одни из двух качелей.

К моменту выпуска из детского сада Машенька была уже вполне коллективизированным ребенком, а потому переход в ипостась ученицы средней школы свершился безболезненно. Девочка продолжала устанавливать закономерности и делать выводы, как то: если быстро сделать уроки, то останется время на кукол, книжки, рисование, мультики, прогулки с родителями, – и прочее в том же роде. Неуклонное следование самой же установленным правилам помогало ей комфортно существовать.

А потом случилось такое, что напрочь лишило Машеньку способности к выводу закономерностей и причинно-следственных связей. Все распалось и сделалось алогичным, когда умерла мама. Она, как принято говорить, сгорела в один месяц. Машеньке было двенадцать лет. После похорон отец и дочь погрузились в тяжкое вязкое горе, которое своими размерами превосходило сумму всех радостей, которые они когда-то испытывали. Мужчина и девочка могли бы отдалиться друг от друга, но сплотились еще больше. Все свободное

время Виктор Юрьевич старался проводить с дочерью, да и Машенька предпочитала общество отца всем другим. У нее почти не было подруг. Ее не интересовали мальчики. Зачем ей какие-то неумные сопляки с потными руками и блестящими рожами, когда у нее есть отец, красивый, статный, эрудированный и очень мобильный.

Куда только не ходили и не ездили отец с дочерью! Театры, музеи, экскурсии, походы – пешие, конные, на байдарках и велосипедах. И всегда отец казался Машеньке лучше всех тех, кто был с ними рядом. Ну разве что его друг, дядя Саша, мог хоть как-то сравниться с ним. Немудрено, что Маша, которая очень мало общалась со сверстниками, влюбилась в человека, намного старше себя. В того, которого чаще других видела рядом. Друг отца уж точно должен быть таким же блестящим, как он сам.

Разумеется, у нее имелись поклонники из числа одноклассников, а потом однокурсников, но они интересовали Машу очень мало. А вот ее, Марию Задорожную, некоторые товарищи забыть никак не могли. Например, одноклассник Лешка Задворьев с утомительной для Маши регулярностью предлагал ей сначала крепкую мужскую дружбу, потом светлую и чистую любовь, а затем даже руку, сердце и законный брак. Конечно же, она отказывалась. Каждый раз. Ну разве можно всерьез воспринимать Задворьева с его нежной внешностью Сергея Есенина в начале творческого пути?! Маше нравились настоящие мужчины. Мужики!

Маша спустила с дивана затекшие ноги, слегка помассировала их и прошла в свою комнату. Сейчас она соберет вещи и покинет ее... Неужели навсегда? При этой мысли у нее болезненно сжалось сердце. Мамина смерть научила ее не заблуждаться на предмет земного постоянства. Вечность – она там, за гранью. Там же и то, что мы называем «навсегда». А здесь все меняется и путается, сбивается с логического пути и часто недоступно пониманию. Впрочем, сейчас совершенно необязательно думать о странном и невеселом в этой жизни. У нее, Маши, наконец-то все хорошо. Она любит Сашу! Он любит ее! И отец никуда не денется: примет союз дочери и друга как должное. И может быть, наконец сам устроит свою личную жизнь. Маша знала, что у него есть какая-то женщина, которую он усиленно и глупо скрывает от нее. Теперь наконец они все будут счастливы!

Двухкомнатная квартира Павловского пребывала в кошмарном состоянии. На всех горизонтальных поверхностях в самом нелепом сочетании были сложены газеты, книги, журналы, пустые пачки и контейнеры от продуктов быстрого приготовления, какие-то ведомости с печатями, компьютерные диски. На полу высились стопки невымытых тарелок, в самых неожиданных местах попадались вилки с ножами, грязные стаканы, чашки с кофейными разводами, винные бутылки, пивные жестянки и переполненные окурками пепельницы. Спинки стульев и кресел скрывались за мятыми рубаш-

ками, футболками, джемперами.

– Саша, ну как ты мог так жить? – укоряла Павловского Маша, но он только отшучивался:

– До тебя, Машунь, я вообще не жил! Правда! Я возвращался в эту берлогу только для того, чтобы поесть да поспать.

– Вот уж на самом деле берлога! Да я за год всю грязь отсюда не вывезу!

– А ты не вывози! Ну ее, эту грязь... – каждый раз весело говорил он и осторожно опускал Машу на только что освобожденное ею от хлама пространство, и они предавались самой сладкой любви.

– Ну, хорошо... Допустим, тут ты ел и спал, а где проводил остальное время? – как-то задала вопрос Маша, когда очередные ласки естественным образом завершились. Спросила и сама испугалась. Она же давала себе слово не лезть в его жизнь. Саше пятьдесят, он холост, а потому мог жить у женщины. У разных женщин. Это не должно ее смущать, ведь она любит его таким, каков он есть.

– Да-а... – Он небрежно махнул рукой. – Где когда. Долгое время у меня была такая работа, что приходилось мотаться по командировкам. Плацкартные вагоны поездов, убогий быт третьеразрядных гостиниц, вечная спешка... Привык все делать на ходу, кое-как, второпях. И, представь, меня такое положение вещей всегда устраивало! Но теперь... – Он опять навис над Машей, поцеловал ее в губы и, с неохотой



оторвавшись, продолжил: — ...теперь совсем другое дело. Если ты хочешь, чтобы в этой квартире все было по-твоему — перекраивай, как только взбредет в голову! Слова не скажу! Только не заставляй меня возиться со всем этим! Умоляю!! Ты складывай все лишнее в мешки, а я потом вынесу на помойку. Договорились?

— Саш, но я же могу выбросить что-нибудь нужное!

— Ничего нужного я на пол не бросаю! Все нужное у меня в рабочем кабинете, а тут один хлам!

— А то, что мне понравится, я могу оставить? Некоторые журналы... я бы почитала... Диски с фильмами тоже есть неплохие. Да и вообще у тебя тут много интересного. Какие-то штучки, статуэтки...

— Это все подарки, сувениры от фирм, с которыми работал. Для меня они не представляют никакой ценности, но ты оставляй, что хочешь, милая ты моя труженица! Если надо денег, чтобы что-то заменить из мебели или посуды, ты скажи — я дам.

— Я бы занавески сменила... И еще постельное белье и полотенца...

— Понято! Подсчитай, сколько нужно денег, завтра я тебе перед уходом оставлю.

Следующий день проходил у Маши под знаком новых занавесок.

Она почти привела в порядок маленькую комнату в квар-

тире Павловского. Ей не очень нравилась мягкая мебель – скользкие кожаные диван и два кресла. Маше хотелось бы иметь вместо дивана большую кровать, на которую можно рухнуть навзничь вместе с Сашей в любой момент, не раскладывая ее и не доставая из ящика постельное белье. И чтобы покрывало было красивое, шелковое, гладкое... И подушки... Много маленьких подушек... Но приходилось довольствоваться тем, что есть. Она ни за что не станет диктовать Саше условия и навязывать свои вкусы. Маша будет беречь их особенные отношения.

Когда потеки кофе и всякие другие противные пятна были отмыты, кожа диванов и кресел оказалась темно-синего цвета. Обои на стенах – бежевые. В общем-то, сочетание неплохое. Надо купить синие шторы и бежевый тюль. Или наоборот: бежевые шторы и синий тюль... Нет, все-таки синими должны быть шторы, чтобы не сливались со стенами. Пусть все строится на контрасте, как у них с Сашей. Они контрастны во всем и этим бесконечно интересны. Они не смогут наскучить друг другу никогда.

Маша наскоро накрасила лицо, потому что главным в этот момент была вовсе не ее персона, а нечто одинаково нужное для нее и Саши – новые занавески для их спальни. Конечно же, маленькая комната станет спальней! Чтобы зря не тратить время, она вызвала такси и поехала в центральный торговый комплекс города под названием «Все для вас».

Готовых штор и материалов для занавесей было море раз-

ливанное, но нужного тона Маша найти никак не могла. На одной из стоек, правда, отыскался кусок шелка подходящего цвета, но на нем висела бирка: «Остаток 1,5 метра». Маша подошла к продавщице – очень крупной крашеной блондинке по имени Валентина. Во всяком случае, именно это имя было написано на ее бейджике. Над узкой джинсовой юбкой Валентины свисали три жирные складки, обтянутые белой трикотажной кофточкой, но продавщицу это ничуть не стесняло. Она казалась вполне довольной собой и обстоятельствами, а потому на все расспросы Маши отвечала величественно, но с большой охотой.

– Этого артикула нет и в ближайшее время не будет, – сказала Валентина и с вялым любопытством посмотрела на покупательницу.

А Маше так захотелось купить ткань именно этого артикула, хоть плачь. Она уже представила комнату в отблесках синего шелка, поэтому очень жалостливым голосом спросила:

– Может, вы подскажете, куда съездить? Что, если на фабрику...

– Че, так приспичило? – удивилась Валентина. – Вон, глянь, голубой шелк – тоже ничего! Цветочки такие неброские! Мне нравится!

– Нет, понимаете... мне именно тот оттенок нужен. У нас обивка у мебели точь-в-точь такого же цвета!

Валентина смерила Машу снисходительным взглядом, за-

чем-то поскребла длинными, затейливо украшенными ноготками среднюю складку живота и сказала:

– Ну-у... вообще-то... Одна мадам отложила пять метров этого шелка, а сама... – продавщица бросила быстрый взгляд на часы – ...что-то задерживается...

– Так, может быть... – заискивающе начала Маша.

– А пять-то хватит?

– В самый раз: выйдет две шторы по два с половиной метра, – почти шепотом произнесла Маша, чтобы не спугнуть расположение продавщицы.

– Ну... в общем... я щас принесу, но ты же понимаешь... – И Валентина посмотрела на покупательницу особым продавщицким взглядом.

Маша значения взгляда не поняла и глупо спросила, жалко вытянув шейку:

– Чего?

– Того! Мне же придется с дамой объясняться, если вдруг придет: куда ее шелк делся, то да се... Сечешь?

Маша сначала хотела сказать, что берет ткань на законном основании, потому что предыдущая покупательница не уложились во время, но в нужный момент просекла все, чего Валентине хотелось, и яростно закивала головой:

– Конечно, я заплачу... сколько скажете...

И Маша заплатила. Приличную сумму сверху. Конечно, нынче времена такие, что можно было бы позвать менеджера, и на следующий же день в отделе ткани центрального тор-

гового комплекса стояла бы другая продавщица, а Валентину взяли бы в лучшем случае на вещевой рынок, но Маше не хотелось скандала. У нее такая благодать на душе – а тут скандал... Нельзя. Это во-первых. Во-вторых, ей было приятно, что она идет на все, чтобы угодить Саше. Нужен не абы какой шелк, а именно этот. Саша обязательно оценит. У него отменный вкус. Правда, на бежевый тюль – нежную кружевную сеточку – денег теперь не хватает. Совсем чуть-чуть... Маша постеснялась просить у мужа много денег. У мужа? А что? Разве Саша ей не муж? Пусть не перед людьми, но перед богом – самый настоящий муж. Они еще обвенчаются! Непременно! Как-нибудь...

Конечно, за тюлем можно приехать сюда завтра... Хотя... Саша говорил, что его фирма располагается как раз на той самой улице, где высится огромный «Все для вас». Где-то неподалеку должен находиться недавно построенный офисный центр. Маша даже представляет, как он выглядит: высоченный, весь в зеркальных окнах. Саша наверняка обрадуется, если она зайдет к нему на минуту. Он всегда повторял ей, что она настоящая красавица. Пусть его сотрудники увидят, какая у него... жена... Ну, пусть не жена еще... какая разница...

Маша посмотрела на свое отражение в зеркальной витрине универмага. Хороша! Как же она хороша! Темные густые и блестящие волосы рассыпаны по плечам, глаза вишневые, глубокие, счастливые. И купленная вчера помада так идет

ей. Тон называется «Горькая слива». Но помада не горькая... Она сладкая, душистая, очень темная, и ее цвет находится в полной гармонии со смуглой Машиной кожей и темно-бордовым коротеньким пиджачком. Черные шелковые брючки красиво обтягивают Машины стройные ноги. А на шее поблескивает цепочка, которую подарил ей Саша. Он очень обрадуется, когда увидит и Машу, и эту цепочку на ее шее!

Офисный центр Маша нашла быстро. Высотное, сплошь застекленное здание видно было издалека. Молодая женщина вошла в просторный холл и принялась изучать табло с названиями фирм. Она несколько раз самым внимательным образом просмотрела его с начала до конца, потом прочитала все названия в обратном порядке, но фирмы Павловского не обнаружила.

– Вам помочь? – спросили ее с рецепшена.

Маша обернулась. На нее приветливо смотрел рыжеволосый и веснушчатый парень в синей форме вневедомственной охраны.

– Да! – обрадовалась Маша. – Понимаете, я никак не могу найти фирму «Алекс».

Парень пожал плечами, взъерошил свои яркие волосы и виновато сказал:

– А у нас такой и нет...

– Не может быть! Это фирма по ремонту компьютерной техники. Ею руководит Павловский Александр Григорьевич!

– Вы, наверно, ошиблись, девушка. В этом здании нет такой фирмы, и Павловского я не знаю, – окончательно огорчился охранник.

– Ну как же... – растерялась Маша. – Может быть, вы здесь недавно, а потому...

– Нет, я здесь давно. Работаю с того самого момента, как здание построили. Лично помогал фирмам устраиваться: мебель таскал, компы... Так что я тут всех знаю.

Маша продолжала ошарашенно смотреть на него.

– Да вы не расстраивайтесь! – Парень по-доброму улыбнулся. Ему явно хотелось помочь. – Если у вас компьютер вышел из строя, то я могу дать вам адрес другой фирмы. Там хорошие мастера работают. Сюда их вызываем, если что вдруг случится... Ни разу не подвели.

Маша покачала головой и сказала:

– Нет-нет... Спасибо. Дело не в компьютере. Мне человек нужен... Павловский...

– Ну... В этом я вам не помощник. Здесь ваш Павловский не работает. Это точно. И никогда не работал. – Парень развел руками. Было видно, как он огорчился тому, что так и не смог ничего сделать для Маши.

Она поблагодарила словоохотливого и услужливого охранника и вышла на улицу. Как все странно. Саша утверждал, что его фирма находится именно в этом здании. Он еще говорил: «Там сплошные зеркальные окна». Другого здания с зеркальными окнами в центре города не было, если

не считать парочку низеньких круглосуточных продуктовых универсамов. Может быть, он перевез свою фирму в другое место? Но тогда этот синий секьюрити так и сказал бы: был, мол, Павловский, да весь вышел. А он его вообще не знает. Но, может, Саша работал здесь недолго, и охранник тогда еще не успел узнать всех поименно. Нет... Об этом центре Саша говорил совсем недавно. Они и живут-то вместе не больше месяца, а зеркальное здание торчит в центре города уже не менее полугода, а то и год. Время летит так быстро...

В состоянии глубокой задумчивости Маша прошла мимо остановки. Очнулась в конце улицы. Вот тетеря... Зачем сюда забрела? Может быть, перекусить? Вон какой-то ресторанчик... Что-то на нервной почве желудок подвело. Она плохо позавтракала, предвкушая удовольствие от предстоящих покупок.

Маша подошла к ресторанчику. На синей вывеске было написано: «Индиго». Все, как один, ударились в потустороннее! Небось пускают сюда только странных детей-провидцев. Завтракать геркулесовой кашей...

Маша поняла, что раздражена. В ее жизни опять появилась какая-то алогичность, которая очередной раз может испортить ей все. Знает она эти алогичности...

Молодая женщина тряхнула головой, пытаясь освободиться от неприятных мыслей, и зашла в ресторанчик. К ней сразу подлетел менеджер и предложил на выбор свободные столики. Маше приглянулся самый дальний, за колонной.



Она села спиной к залу, и тут взгляд ее уткнулся в занавески из синего шелка почти такого же тона, какого она только что купила. Это знак... Только вот какой?

Скатерть тоже была синяя. Хорошо, что другого оттенка. Видимо, это и есть тот самый – индиго, который обещало название рестораника. Совершенно не контролируя свои действия, Маша взяла в руки нож и в ожидании заказа принялась чертить им по плотной тяжелой скатерти разные геометрические фигуры. Неужели Саша ее обманул? Зачем? Не привык посвящать своих женщин в дела службы? Так разве она лезла бы в его дела?

Как только Маша подумала об этом, ее смуглые щеки залила краска стыда. Она именно полезла в его дела! Как самая пошлая бабенка, намеревалась явиться к нему на работу с просьбой о деньгах на кружевные занавесочки! Фу! Как в водевиле! Жена хочет купить очередную шляпку, а муж не знает, куда от нее спрятаться, потому что этими шляпками можно уже огород городить. Саша, наверное, из этих соображений и скрывает свое место работы. Видно, за пятьдесят-то лет невоздержанные женщины его уже достали. А Маше он назвал самое приметное здание в городе, чтобы она больше уж ни о чем и не спрашивала. Как же он был дальновиден, ее Саша! Он все знает заранее! Он наперед просчитывает шаги представительниц женского пола! Как хорошо, что все сложилось именно так! Как хорошо, что она не опозорилась перед ним и не опозорила его перед сотрудниками! Она

ни за что не скажет ему, что искала фирму «Алекс»...

Расставив таким образом точки над «i» в свое удовольствие, Маша с аппетитом пообедала чудно приготовленным мясом и поехала домой, чтобы к приходу Саши успеть повесить синие шторы.

– Очень красиво! – сказал Павловский, разглядывая занавески. – Только моя драгоценная Машенька могла так точно угадать тон! Но вроде бы ты хотела купить еще и эти... ну как они называются... такие тонкие прозрачные занавески...

– Тюль?

– Ну да, тюль...

– Понимаешь, денег не хватило... совсем чуть-чуть... – отозвалась Маша и начала в лицах пересказывать свой диалог с продавщицей Валентиной.

Павловский весело смеялся над ужимками Маши, а потом сказал:

– Если бы ты пожаловалась администрации, тебе хватило бы на тюль, а эту многоскладчатую Валентину живо научили бы правилам торговли.

– Не хотелось мне скандалить, Саша, – интимным голосом проговорила Маша и прижалась к его плечу.

Он обнял ее, долго целовал в губы и был таким своим, таким близким, дорогим и родным, что она решила, чуть-чуть исказив факты, кое-что все же рассказать ему:

– Знаешь, мне даже захотелось разыскать тебя в офисе,

чтобы попросить добавить денег на тюль, но я вовремя сообразила, что это будет выглядеть как-то не комильфо... Приходит женщина в солидную фирму и клянчит на тряпки... Думаю, тебе стало бы за меня стыдно...

– Все-то ты у меня понимаешь правильно, – шепнул ей в ухо Павловский и обнял еще крепче.

Маша изо всех сил прижалась к нему всем телом. Он самый лучший! Он все делает верно, так, как нужно! И все сложилось самым замечательным образом – ей удалось не поставить его в неловкое положение перед коллективом!

Маше очень хотелось думать, что инцидент исчерпан, что надо перестать о нем думать и целиком отдаться ласкам лучшего мужчины на свете. Но в душе что-то царапало и свербило. В мозгу бились обрывки мыслей, и, чтобы они сами собой не связались в какую-нибудь малоприятную мысль, Маша поторопилась спросить Сашу между поцелуями:

– Но ты ведь по-прежнему работаешь в том центре с зеркальными окнами? Очень красивое здание...

Честно говоря, Маше это здание не нравилось вовсе, потому что совершенно не гармонировало с центром города, застроенным старыми домами в стиле сталинского ампира. Но она боялась перестать говорить, потому что если Саша скажет, что он продолжает там работать, то...

Павловский очередной раз закрыл ей рот поцелуем, а потом небрежно бросил:

– Да, я все там же... Но, чтобы ты больше не попадала в

такие нелепые ситуации, я буду каждый день оставлять дома... очень приличную сумму, чтобы тебе хватало на любые тряпки, шпильки, помады и даже – на кровать с балдахином. Ты, кажется, говорила, что тебе не нравится этот скользкий диван. Но пока кровати нет, извольте на диване... – И он начал быстрыми пальцами расстегивать на ней блузку.

Маша поняла его ответ так: «Не лезь в мои дела, живи своими тряпками, шпильками и кроватями с балдахином!» Но почему? Они же родные друг другу люди! Самые родные! Неужели он считает ее всего лишь безмозглым украшением собственной квартиры? Или все еще видит в ней ту маленькую девочку, которую когда-то держал на коленях и кормил манной кашей? Тело девочки развилось до такой степени, что им можно пользоваться в свое удовольствие, а все остальное в ней его не интересовало. Неужели так? Тогда она совсем не знает своего Сашу... Да! Получается, что они так еще и не познакомились как следует...

– Ну что же ты, Машуль... – услышала она его жаркий шепот. – Как неживая сегодня... Устала бегать по магазинам или у тебя что-нибудь болит? Голова? Что-то другое?

Маша внимательно посмотрела в его встревоженные глаза. Он ее любит! Да, она это отчетливо видит. Но он даже не может предположить, что у нее болит не голова. А «что-то другое» – это не нога и не живот. У нее беспокойно на сердце. Ее гложет какое-то нехорошее предчувствие, но она понимает, что нельзя прямо обо всем расспросить Сашу. По-

чему-то нельзя. В эту минуту ей совсем не хотелось близости с ним, но она не должна ему этого показать. Пусть думает, что у них все прекрасно.

Маша завела руки за спину, расстегнула бюстгальтер и откинула его в сторону.

– Маша, я тебя умоляю: купи платье сегодня же! – сказал Павловский, повязывая перед зеркалом галстук.

– Но, Саша! Я же буду на работе! Я и так уже столько дней брала за свой счет, что начальство на меня смотрит очень косо! – отозвалась Маша.

– Ты вполне успеешь в обеденный перерыв, если поймашь такси и поедешь к одной дизайнерше... я сейчас напишу тебе адрес... Ее зовут Зоей. Зоя Малиновская. Слышала такое имя?

– Кто ж у нас в городе его не слышал? Ты знаком с самой Малиновской?

– Ну... не то чтобы близко... Так... Она шила моим... женщинам... – Павловский оторвался от зеркала и, посмотрев Маше прямо в глаза, безжалостно добавил: – Надеюсь, ты понимаешь, что они у меня были?

Маша жалко кивнула. Павловский опять вернулся к своему галстуку и продолжил:

– Так вот: я позвоню ей и предупрежу, что ты приедешь. Во сколько у тебя перерыв?

– В тринадцать ноль-ноль.

– Ну вот... Скажу ей, что ты будешь в начале второго. Фигура у тебя, по нынешним стандартам, очень хорошая. Думаю, она тебе что-нибудь подберет из эксклюзивного.

– Надо обязательно из эксклюзивного? – спросила Маша, которой эта затея изначально почему-то не нравилась. – У меня есть прекрасное платье из темно-красного бархата, декорированное. Оно тебе всегда казалось красивым.

– Машенька! – с бесконечным терпением в голосе проговорил Павловский. – Я уже объяснял, что мы приглашены на такой прием, где все дамы будут в навороченных туалетах от самых модных наших дизайнеров одежды. Ты не должна выглядеть хуже других, тем более что ты лучше... – Он бросил наконец свой галстук, подошел к Маше, обнял ее за плечи и, опять заглянув в глаза, сказал: – Я никак не могу понять, чего ты дуешься. Моя женщина должна быть самой-самой... Пусть все мужики сдохнут от зависти.

– А если я пойду в своем красном платье, они не сдохнут?

– По протоколу этого сборища платье должно быть до пола, а у тебя?

– Не до полу...

– Вот видишь!

Павловский решил, что он привел самый веский аргумент, после которого все остальные будут лишними, чмокнул Машу в щеку, взял со стула папку с бумагами и уже из прихожей крикнул:

– Если ты сейчас поторопишься, я отвезу тебя на работу!

– Не-е-ет! – крикнула в ответ Маша. – Я лучше на автобусе! С подругой договорилась! Она меня будет ждать у остановки!

– Как хочешь! Заеду за тобой ровно в половине пятого. Надеюсь, ты уже будешь в новом платье! А о цене Малиновскую даже не спрашивай. Я договорился с Зоей, что оплачу все позже. Может, еще чего-нибудь себе подберешь. Не стесняйся! Машина все увезет! Пока...

Никакой договоренности с подругой у Маши не было. Она из какого-то глупого упрямства не хотела ехать вместе с Павловским. Она вообще не могла понять, почему ее так раздражает необходимость приобретения нового платья, да еще от самой Зои Малиновской. Ей бы радоваться, предвкушая поездку к знаменитой модельерше, а она почему-то злится. Может быть, потому, что ни ее мнение, ни ее желание Сашу не интересовали. Не она, Маша, будет выбирать себе платье, а Зоя Малиновская... Ну и что с того, что она знаменита на весь город? У Маши и самой вкус не хуже!

Впрочем, она лукавила с собой. С того мерзкого дня, который она теперь называла «днем синих занавесок», в ее душе поселился непокой. Она сто раз уже оправдала Сашу по всем статьям, но смутное беспокойство мешало жить, саднило, как незаживающая царапина. В каждом самом невинном высказывании Павловского ей виделось двойное дно, какой-то особый смысл, ускользающий, а потому пугающий.

К обеду, вынырнув из омута навязчивых, тягучих мыслей,

она поняла, что таблицу, которую она составляла с самого утра, придется переделывать заново. Голова болела тягуче и тошнотворно. Девушка достала из ящичка рабочего стола таблетку анальгина, запила остатками остывшего, а потом до омерзения противного кофе и с отвращением вызвала такси.

Зоя Малиновская своими объемами очень походила на незабвенную продавщицу Валентину. Вместо узкой джинсовой юбчонки на ней были надеты бежевые капри, над поясом которых толстыми складками нависал необъятный живот. Поверх складок горой лежала не стесненная бюстгалтером колыхающаяся грудь. Знаменитый дизайнер женской одежды вряд ли могла носить то, что моделировала. Маша представила себя на приеме в таких же штанах и растянутой черной майке, как у Малиновской, и с трудом сдержала смех, чему обрадовалась. Смех – он лучше беспричинной угрюмости. Да! Беспричинной! У нее нет никаких причин не доверять Саше!

Зоя Малиновская без лишних слов повертела перед собой Машу, как неодушевленный манекен, изучающе заглянула в глаза, сказала:

– Жди тут, – и скрылась в недрах своей мастерской.

Через некоторое время она вынесла платье такого красивого и глубокого шоколадного цвета, что Маша сразу поняла – то!



– Раздевайся, – рявкнула немногословная Малиновская.

Маша огляделась вокруг в поисках какой-нибудь ширмы, но ничего подобного не нашла. Правильно расценив ее ужимки, модельерша рявкнула второй раз:

– Тут никого нет!

Маша, неуклюже пожав плечами, начала раздеваться, чувствуя себя, как на приеме у врача.

– Лифон долой! – приказала великая Зоя. – Такие платья носят на голое тело.

– Что, и трусы снимать... – прошептала Маша.

– А ты думала! Ткань такая тонкая, что даже самые крохотные стринги будут видны. К черту трусы!

Маше совершенно не хотелось оголяться перед толстой незнакомой теткой, но глупо было капризничать, раз уж пришла. Дрожащими руками она стянула трусики.

– Не трясись – не у гинеколога! – мощно расхохоталась Малиновская и принялась облачать свою новую модель в платье.

Оно, нежно касаясь кожи, легко скользнуло вниз по Машину телу. Зоя что-то подправила на груди, расправила подол и, обнажив крупные широкие зубы в довольной улыбке, сказала:

– Ну прям как на тебя шила! Глянь! – И она подтолкнула Машу к зеркалу.

Платье оказалось очень простым и одновременно потрясающим воображение. Маша так и не смогла угадать, из ка-

кого материала оно было сшито. Что-то среднее между трикотажем, шелком и тонким бархатом. Платье до того точно повторяло изгибы Машиной фигуры, что превращало молодую женщину в скульптуру. И при этом Маша не выглядела вызывающе, хоть сколько-нибудь непристойно или эротично. Зоя оказалась права – под такое платье надевать белье было нельзя. Единственным украшением наряда являлась легкая драпировка на груди, закрученная изящной восьмеркой.

– Нравится? – спросила Малиновская.

– О-о-очень... – протянула Маша.

– В общем, так: сходишь на свою тусовку, можешь сдать.

Возьму почти по той же цене.

– Как сдать? Это напрокат, что ли?

Малиновская усмехнулась и сказала:

– Ну ты ж не наденешь его второй раз!

– Почему? – еще больше удивилась Маша.

– Ну-у-у... девка, с тобой все ясно. Слушай сюда: два раза в таких туалетах в одно общество не ходят. Моветон. Поняла? Не по дому ж в нем разгуливать? У Сашки, я знаю, не дворец! – Зоя залихватски подмигнула и добавила: – Пока не дворец! Для тебя, думаю, отгрохает! Ты того стоишь!

Машин слух оскорбило панибратское «Сашка». Откуда Зоя знает, что у Павловского не дворец? Бывала у него? Не из тех ли она женщин, которые... оставались на ночь в его «дворце»? Нет, ну не мог же Саша спать с этим толстым

Карлсоном без пропеллера... А если модельерша растолстела совсем недавно... Нет! Саша говорил, что Малиновская шила его женщинам... Как же она, Маша, сразу не догадалась, насколько ей станет тут стыдно? Сколько же их, женщин, было? Скольких обшивала Зоя?

Маша принялась торопливо снимать платье, чтобы Малиновская не прочитала по лицу, как у нее опять стало муторно на душе.

– Еще что-нибудь будешь брать? – спросила Зоя. – Сашка сказал, что все оплатит.

– Нет, спасибо! – Маша отчаянно замотала головой. – Мне сейчас некогда. Я вообще-то работаю... Обеденный перерыв уже заканчивается...

– А-а-а... Ну ладно. Заходи потом. У тебя фигура ладная – подберем все, что захочешь.

Маша торопливо оделась, поблагодарила, попрощалась и, прижав к груди пакет с платьем, выскочила на улицу. Рука, которую она выставила для приманки такси, неприлично тряслась.

– Машунь! Ну почему ты не в платье? – недовольно спросил Павловский, когда Маша после работы села к нему в машину. – У нас очень мало времени, а придется еще украшение купить. Надо же, чтобы камешки подходили к платью!

– Саш! Ты что, не понимаешь, что я не могу раздеваться догола на рабочем месте?

– Ну... не на рабочем, конечно... В туалете, например...

– Саша! Ты бывал в общественных туалетах? Разве там можно надевать вечерние платья? И вообще, как бы я пошла в нем по коридору? И потом... у меня туфли совсем не подходят...

– Черт! Как же я про туфли забыл! Все! Поехали! Там и платье переоденешь!

Павловский был так сосредоточен, что с Машей не разговаривал. Это ее устраивало. Через несколько минут он подрулил к тому же центру «Все для вас», который Маша тихо ненавидела со «дня синих занавесок».

– Выходи! – так властно потребовал он, будто Маша была не Маша, а какая-нибудь нерадивая подчиненная, которой он сейчас будет делать разнос.

Но Павловский не сказал ни слова, взял Машу за руку и потащил к служебному входу в торговый центр. В узком предбаннике вызвал лифт, затолкал туда свою спутницу, нажал нужную кнопку и уставился на часы, шевеля губами.

– Так! – наконец изрек он. – Если Игорь в полчаса уложится, мы успеваем.

Потом они почти вприпрыжку бежали какими-то коридорами, куда-то сворачивали и даже один раз поднялись по ступеням небольшой лесенки. Наконец Павловский распахнул дверь кабинета. У стола, в самом центре небольшого помещения, целовались мужчина и женщина.

– Игорек, прости-прости, но времени в обрез! – ничуть

не смутившись увиденной картиной, прокричал Александр Григорьевич и небрежно вытолкнул вперед себя Машу. – Вот ей – срочно – туфли и камни на шею...

Тот, кого он называл Игорьком, еще раз сладко поцеловал свою женщину в шею и, взяв за плечи, легонько направил к выходу из кабинета.

– Иди, Маришка! Все путем! Все потом! – сказал ей он и, уже не обращая никого внимания на только что страстно целованную женщину, устоялся на Машу, а потом непонимающе спросил: – Че? К джинсам камни на шею?

– Нет, конечно... Машка, быстро переодевайся! – приказал Павловский.

– Саша, ты что! – возмутилась Маша, впервые поймав от него «Машку». – Надо же все снимать! Понимаешь?! Вообще все!!

– Ну и что?! Мы не смотрим! Что мы с Игорьком, дамских прелестей не видали?

Мужчины в унисон расхохотались. Маша покраснела от унижения и тихо, но четко произнесла:

– Я не буду здесь раздеваться, ясно?

– Брось, Маш... – скривился Павловский. – Ну к чему капризы, когда у нас времени в обрез! Всё! Мы отворачиваемся! Переодевайся!

Мужчины действительно отвернулись, но Маша успела поймать оценивающий и липкий взгляд Игорька. Она с минуту постояла за их спинами и сказала:

– Только не поворачивайтесь...

После этого она аккуратно положила пакет с платьем на стул и, невесомо ступая, на цыпочках вышла в коридор. У окна курила Маришка.

– Где выход? – одними губами спросила Маша. – Желательно в торговые залы...

– Дык... свернешь в тот коридор... – так же тихо ответила Маришка и махнула в сторону рукой, обронив на пол столбик пепла. – Там лифт. Едешь на четвертый этаж, как выйдешь – дуй в застекленный переход... Найдешь, в общем!

Маша бросилась в указанном направлении, на ходу попросив женщину:

– Молчи только!

– Могила, – отозвалась Маришка и добавила: – Все они козлы! Один козлеее другого!

Маша специально побежала в торговые залы. Там легче затеряться и переждать. Для Павловского так важен этот прием, что он обязательно на него поедет, даже без женщины. Запросто нарушит протокол. А она, Маша, поклонявшись для порядка по магазину, вернется домой. Домой? Сашин «недворец» – ее дом? В лицо опять бросилась краска стыда. Как он мог заставлять ее переодеваться при каком-то Игорьке, будто свою содержанку? Девку, которую снял на вечерок... А вообще-то... она и есть его содержанка... Кто она ему? Никто! Он, конечно, сто раз говорил Маше о своей любви, но наверняка и для других своих женщин этого слова

не жалел. Оно волшебное – это слово. Произнеся его, мужчина может делать с женщиной что хочет.

Уже в застекленном переходе в сумочке зазвонил мобильник. Маша автоматически выхватила его из специального кармашка, но вовремя сообразила, что надо посмотреть, кто звонит. Звонил, конечно же, Павловский. Маша криво улыбнулась и отключила телефон.

Бродя по залу и беспрестанно озираясь, чтобы не попасться на глаза Саше, если он вдруг решит искать ее здесь, Маша мучилась тяжкими раздумьями. Ну почему ее вдруг стали беспокоить бывшие женщины Павловского? Их не могло у него не быть!! У него еще и бывшие жены есть! Целых три! И дети!! Отец же говорил... Маше тогда все отцовские доводы казались нелепыми и лишенными смысла. Они с Сашей любят друг друга, а отец поминает каких-то жен, каких-то детей... Маше не было до них никакого дела. Теперь же ей стало странно, что Саша никогда не вспоминал своих детей, будто их у него и не было... А что, если вдруг сегодня или завтра в Сашин «недворец» заявится его взрослая дочь, или сын, или дочь и сын парой? Или целым сводным отрядом?

У Маши опять разболелась голова, но спасительный анальгин остался в ящике рабочего стола. Впрочем, анальгин не поможет. Маша все отчетливей понимала, что совершенно не знает мужчину, с которым живет. Она не знает, чем он занимается, откуда у него куча денег и почему с эдакой кучей он так и не завел себе дворец. Она не знает его

прошлого, не представляет настоящего. Она не знает, что у него на душе, что на уме. Маше, как одалиске, принадлежит лишь его тело, его лучезарная улыбка... А кто сказал, что принадлежит? Может, у него полным-полно разнообразных маришек, как у того скользкого Игорька. А может, Павловский и Карлсоном, Малиновской, не брезгует – все какое-то разнообразие...

Маша пыталась вспомнить, где они бывали с Павловским. Практически нигде. Пару раз прогулялись по вечерним улицам. Один раз поужинали в каком-то маленьком полуподвальном ресторанчике. И все! Все!! У Павловского не было выходных. Он говорил, что серьезные деловые люди их не имеют. Бизнес нельзя оставлять на подчиненных. Они всегда должны чувствовать присутствие босса. В будние дни Саша являлся домой около девяти часов вечера, а иногда и позже. Маша не тосковала только потому, что все это время была занята уборкой квартиры и созданием в ней элементарного уюта. А что бы она стала делать потом, когда этот уют наконец восторжествует? Сидеть у телевизора или за книжкой и ждать, когда наконец придет Павловский и соизволит заняться с ней любовью, чтобы сразу после этого заснуть мертвым сном? Как-то мало похоже на то, о чем она мечтала, переезжая к Саше...

С трудом выдержав в толкучке торговых залов минут сорок, Маша вышла из магазина. Отойдя от него на приличное расстояние, она поймала такси и поехала на квартиру Пав-



ловского. В два больших пакета с логотипами все того же ненавистного «Все для вас» она в полном беспорядке покидала свои вещички. Хорошо, что еще довольно тепло и она не успела перевези к Саше тяжелые и крупные теплые вещи. Прикидывая, все ли взяла, Маша задержалась в комнате, которую только что с большой любовью обустроила. Паспорт! Она чуть не забыла паспорт! Хорошо, что вспомнила! Вместе с паспортом лежит медицинский полис и прочие важные бумажки.

Маша сунула руку в недра узенькой полочки, где хранились ее документы, старая, но очень полезная записная книжка, счета за телефон и прочее бумажное имущество. Вот она сейчас заберет самое главное, а на остальное – наплевать. Даже если что и забыла – новое наживет!

Маша сунула документы в пакет с вещами, положила на тумбочку в прихожей ключи от квартиры Павловского и решительно вышла за дверь. Прежде чем захлопнуть ее за собой, Маша бросила прощальный взгляд в глубь квартиры, где так недолго была счастлива, и тут же с силой потянула на себя дверь. Замок лязгнул так оглушительно, что Маша болезненно вздрогнула.

\* \* \*

Дина Сергеевна с раздражением посмотрела на свою дочь, которая вяло ковырялась в тарелке с жареной картошкой.

– Нет, ты мне все-таки объясни, чем он тебе не нравится?

– Ма-а-а-ма-а-а... – не менее раздраженно протянула Туся. – Ну почему он мне должен нравиться? И вообще... ты же в курсе, что он младше меня!

– Ну-у-у... знаешь! Год разницы – это такая ерунда, о которой не стоит даже говорить! – возмутилась Дина Сергеевна. – Вот если бы тебе было двадцать лет, то ты могла бы еще выбирать себе небритых мачо лет на пяток тебя постарше! А когда уже через тридцатник перевалило, надо брать, что дают!

Туся бросила вилку на стол и крикнула:

– Ма! Да ты что?! Кто мне что дает? Он в мою сторону даже не смотрит!

– Правильно! Не смотрит! А чего ему на тебя смотреть, если ты вечно воротишь морду на сторону! Ты возьми и посмотри на него ласково!

– Зачем?!

– Затем, что тебе уже давно пора рожать!

– А я не хочу! – зло бросила ей дочь и, похоже, еле сдержалась, чтобы не разрыдаться.

Дина Сергеевна решила сбавить обороты и перевести разговор в несколько иную плоскость. Она взяла со стола вилку, опять впихнула ее в руку дочери и сказала, тихо и проникновенно:

– Тусенька, потом ведь поздно будет!

Туся шмыгнула носом, загоняя внутрь непролитые слезы,

наколота на вилку сосиску, откусила приличный кусок и с полным ртом проговорила:

– Чего вдруг поздно? И в сорок рожают...

– Ага, рожают... А дети потом стыдятся своих матерей, которые по возрасту годятся им в бабушки! Тебе это надо?

– Мама! Ну не могу же я строить глазки кому попало только для того, чтобы будущие дети чего-то там потом не застыдились! А как же любовь?

При слове «любовь» Дина Сергеевна подскочила со своего места и опять заголосила на всю кухню:

– Нет, вы посмотрите на нее! Любовь!! Где ты видела эту любовь? В кино? Сильно тебя любил твой Вовка? Бросил, как только помоложе подвернулась! Разве не так?

Туся, продолжая усиленно жевать свою сосиску, закрыла лицо руками.

– И не вздумай реветь! – все таким же громовым голосом рыкнула Дина Сергеевна, напрочь утратившая жалость к дочери. Слово «любовь» действовало на нее, как красная тряпка на известных своей свирепостью быков. – А строить глазки я тебя призываю не кому попало, а соседу, который у меня на глазах вырос! Нормальный парень... Хотя, конечно, какой он парень... Тоже уж тридцатник разменял... К тому же – у него квартира большая...

Туся отняла от лица ладони и уставилась на Дину Сергеевну почти с ненавистью. Потом еще пару раз жеванула не вовремя откушенную сосиску, проглотить забыла и глухо спро-

сила:

– Мать... так ты это что... из-за квартиры?

– Представь, что в наших обстоятельствах квартира – тоже лишней не будет! Тебе не надоело переодеваться в ванной и спать в одной комнате с семнадцатилетним братом?!

– Наплевать...

– Врешь! Вот ведь врешь мне из чувства противоречия! – Дина Сергеевна опять соскочила с табуретки, на которую только что уселась, и забегала вдоль кухни от окна к дверям и обратно. – Впрочем, даже если не врешь... Все равно... Мне... – Она сделала особое ударение на этом слове. – Мне надоело отсиживаться в кухне, когда ты смотришь дебильные передачи по этому... ящику, а Денис режется в свои стрелялки и мочилки! Достала меня наша общага! Можешь ты это понять?! Я покоя хочу! Мне скоро пятьдесят!

– То есть ты готова взащей вытолкать меня замуж, чтобы квартиру освободить, да?! – Туся наконец проглотила свою сосиску и посмотрела на мать с таким укором, будто та собиралась продать ее каким-нибудь заезжим янычарам.

– К сожалению, сосед, которого я тебе предлагаю, меня замуж не возьмет! – Дина Сергеевна наконец остановилась напротив дочери, уперев руки в бока. – А то я сама бы к нему в постель пролезла и женила бы на себе!

– Из-за квартиры?!

– Да!! Представь себе! Вот такая я гнусная... меркантильная... еще как-нибудь меня назови... Достало все! Понима-

ешь, до-ста-ло!!!

– Слушай, ма... – Туся вдруг рассмеялась сквозь слезы. – А ведь ты можешь!

– Что могу?!

– Ну это... пролезть в соседскую постель...

– А-а-а... – презрительно протянула Дина Сергеевна, возвела глаза к потолку, подумала немного и, отвернувшись от дочери, положила себе порцию картошки.

– Нет, я серьезно! – продолжила Туся, улыбаясь и забыв про все свои обиды. Ты ж у нас еще о-го-го!! Тебе только волосы покрасить поярче, и любой сосед у тебя в кармане!

– Совсем с ума сошла, да?

– Не-е-е... Я правду говорю! Да оставь ты эту картошку! – Туся схватила мать за руку и потащила из-за стола.

– Туська, отстань... – пыталась сопротивляться Дина Сергеевна, но дочь была непреклонна.

Она вытолкала мать в коридор к большому зеркалу, встала рядом, обняла за плечи и сказала:

– Ты лучше погляди на себя непредвзято! Мы с тобой роста одинакового! Бедра у тебя узкие, как у меня, ничто ниоткуда не выпирает! Лицо... А что? Нормальное лицо! Морщин почти нет! А если как следует подкрасить...

– Да ну тебя! – Дина Сергеевна вырвалась из объятий дочери и пошла на кухню, где тут же начала торопливо есть остывающую картошку.

Она понимала, что главное сейчас – это элементарно со-

средоточиться на жевании, чтобы Туськины слова случайно в голову не запали. Все! Ее бабье время кончилось! Малолетний сосед ей и даром не нужен... И вообще... не только сосед, а хоть кто... Никто не нужен... Ни даром, ни за квартиру... Хотя за квартиру...

В этот момент очень удачно вернулся из школы младший сын Дины Сергеевны Денис.

– Поесть дайте! – прокричал он от самых входных дверей.

– Вот это без меня! – тут же проговорила Туся и исчезла со своей тарелкой в комнате, где врубила телевизор.

Дина Сергеевна мгновенно вскочила с места и начала суетиться вокруг сына в попытке поскорее выбросить из головы те мысли, которые дочь только что пыталась в ней поселить. Никаких мыслей! Никаких! «Нет!» всяческим мыслям, которые не касаются обеда Дениса и его успехов... то есть неудач в школе.

– Ну, как там химия? – преувеличенно заботливо спросила она, быстрыми нервными движениями нарезая соленый огурец. Вообще-то она оставила огурец для салата, который собиралась сделать завтра, но руки тоже должны быть заняты. У нее все должно быть занято.

– Какая еще химия? – удивился Денис, засунув голову в холодильник.

– Такая! Школьная! У тебя «два» было за прошлую контрольную!

Сын с ошалелым лицом вынырнул из холодильника, дер-

жа в руке кусок сыра. Чтобы сыр зря не пропадал, он откусил от целого ломтя приличный кусок и не без труда проговорил:

– Мать... Ты че? Это ж в прошлом месяце было... Я уж давно все, что надо, исправил...

– Знаю я, как ты исправил! Списал небось? – не растерялась Дина Сергеевна и взялась резать головку лука. С огурцом да с подсолнечным маслом будет самое то.

– А хоть бы и списал... Какая разница? Особенно сейчас. Че тебе вдруг взбрендило?

– Денис! Ты как с матерью разговариваешь?! – взвизгнула Дина Сергеевна и полоснула ножом по пальцу. Здорово! Отлично! Теперь можно заняться пальцем! Как красиво кровь хлещет! Любо-дорого смотреть! Можно представить, как радовался классический отец Сергей,<sup>2</sup> когда напрочь отрубил себе палец!

– Нормально разговариваю... Химию зачем-то припле-ла... Поругать, что ли, больше не за что? Да сунь ты палец-то под воду! Весь стол закапала... Туська-а-а-а!!! – заголосил он на весь дом. – Принеси маме пластырь! Порезалась она!

– Нет у нас никакого пластыря! – в ответ ему прокричала из комнаты Туся. – Сам же извел, когда на роликах шандарахнулся!

Денис вздохнул, посмотрел матери в глаза и с сожалением развел в стороны руками. Дина Сергеевна вырвала из его

---

<sup>2</sup> Отец Сергей – герой одноименной повести Л.Н. Толстого, отрубивший себе палец в момент сильного искушения.

рук упаковку с сыром, бросила на стол подальше от него и понесла свой палец к крану. Денис опять полез за едой. Дина Сергеевна зловеще проговорила:

– Если не оставишь в покое холодильник, буду из принципа капать на стол!

– Ма, ну есть же хочется! Шесть уроков было и классный час!

– Сейчас все сделаю! Подожди! А что было на классном часе?

Денис усмехнулся и с удивлением спросил:

– И че тебя сегодня вдруг школа приперла? То химия, то классный час? Да что хорошего может быть на классном часе? Муть всякая! – Он скорчил уморительную рожу и, подражая голосу классной руководительницы, заныл: – Заполняйте, дети, дневники... Подавайте на подпись родителям... Убирайте класс... Не бегайте по коридорам, а то можете получить травму... Это, прикинь, она нам, одиннадцатиклассникам, советует не бегать! Курить за школой – это пожалуйста, а вот по коридорам – лучше ходить медленно!

Дина Сергеевна рассмеялась и наконец забыла о том, о чем только что безуспешно старалась забыть. Она налиwała сыну щи, подогревала остывшую картошку, резала хлеб и без устали слушала, как Денис, ободренный ее смехом, рассказывает про свои школьные дела, острит и злословит. Потом вдруг принялась вспоминать собственное школьное прошлое, и сын, хохоча во все юношеское луженое горло, забы-



вал есть. Их неумное веселье заставило Тусю выключить телевизор, присоединиться к ним на кухне, и они принялись веселиться втроем.

Сквозь веселую размягченность в голове Дины Сергеевны мелькали мысли о том, что ей прекрасно живется с детьми. Они дружат и близки душами, а потому – плевать на скудный быт. На все можно наплевать, когда с детьми такая общность, которой могут похвастать далеко не все родители. И неизвестно, сложилось бы все именно так, будь она замужем. Вполне возможно, что мужа бесил бы беспечный, расхристанный Денис с тремя серьгами в одном ухе или раздражало занудство и правильность Туськи.

Накормив сына обедом, Дина Сергеевна с удовольствием вымыла посуду, разделала и замариновала курицу на ужин. Потом загрузила в машину белье и под ее монотонное жужжанье часа полтора читала детектив, приткнувшись с книжкой в уголке кухонного диванчика. Когда в тесной кухне было развешано белье, как раз промариновалась птица – пора было жарить.

Дина Сергеевна с ужасом поглядела на стиранные тряпки. Черт!!! Сейчас все пропахнет курицей! Ну и ладно! Хорошо, что не рыбой! Надо уметь во всем видеть положительные стороны...

Готовясь поздним вечером ко сну, Дина Сергеевна распутала по плечам волосы и взгляделась в собственное отражение в небольшом мутноватом зеркале ванной. А что? Она и

впрямь еще о-го-го! Сорок девять лет никто не даст! Ну... от силы сорок... сорок два или... три... А вот с волосами действительно надо что-то делать: посерели от седины. Даже не поймешь, что за цвет. Пепел какой-то... И брови... Выщипать, что ли? Или сначала спросить у Туськи, какие брови сейчас носят? Пожалуй, надо бы прикупить еще что-нибудь из одежды, а то все Туське да Туське... Все равно никто замуж не берет. Дураки мужики! Идиоты! Да она на их месте к Туське в очередь выстроилась бы...

Дина Сергеевна тихо рассмеялась, представив, как она, множась, создает дочери очередь. Потом, очередной раз испытав острый приступ жалости к Туське, прервала преступный смех, горько вздохнула и пошла спать.

Сны были жаркими и неправильными. Дина Сергеевна обнимала и целовала кого-то очень молодого и красивого. А красавец ответно обнимал ее и шептал в ухо постыдные слова, а она млела и подставляла для поцелуев самые потаенные уголки своего практически пятидесятилетнего тела. Красавца это ничуть не смущало. Более того, Дина Сергеевна ему страшно нравилась. Он без устали говорил ей об этом, и женщина, которая самым чудным образом понимала, что спит, просыпаться не хотела.

На следующий день, прямо с утра, отправив сына в школу, а дочь на работу, Дина Сергеевна пошла в парикмахерскую. Оставшиеся дни отпуска надо наконец использовать на пол-

ную катушку.

– Что будем делать? – спросила сонная девушка, привычно взвесив на руке ее волосы.

В пустынном зале ее голос звучал гулко и громко.

Сначала Дина Сергеевна хотела прямо сразу взять и уйти. Видно же, что этой парикмахерше нет никакого дела до клиентки. Ей все равно, как женщина будет выглядеть, встав с ее кресла, очень похожего на зубо врачебное. Но если уйти, то придется искать другую парикмахерскую или возвращаться домой. Нет, лучше остаться здесь. Дина Сергеевна мысленно махнула рукой и ответила:

– На ваше усмотрение. Хочу кардинально сменить этот... как его... имидж...

– Кардинально? – уточнила парикмахерша, и глазки ее полюдоедски сверкнули.

Этот хищный посверк Дине Сергеевне понравился. Стало понятно, что девчонка истосковалась по творческой работе, ежедневно подстригая под полубокс старушек и изображая женщинам «то же самое, только покороче».

– В общем, чтобы не узнали! – отозвалась Дина Сергеевна и подмигнула парикмахерше.

Та ответно улыбнулась во весь рот и еще раз уточнила:

– И красить будем?

– Будем все, что вам придет в голову, но...

– Что «но»? – сразу насторожилась мастерица.

– Но чтобы я стала хороша, как никогда!

– А-а-а... – Сразу успокоившаяся девушка махнула рукой и добавила: – Это само собой...

И Дина Сергеевна закрыла глаза. Она открывала их только два раза: когда пересаживалась с кресла на кожаный диванчик, где так и продремала все время, пока красились волосы, и когда пересаживалась обратно в кресло. Потому слова парикмахерши прозвучали для нее неожиданно:

– Ну все... Готово... Глядите же наконец!

Дина Сергеевна глубоко вздохнула и открыла глаза. Из глубины зеркала на нее смотрела незнакомая женщина. Блестящие темно-каштановые волосы ладно облегали голову, чуть приподнимаясь на затылке. На щеки набегали две острые пряди.

– Что? Не нравится? – испугалась парикмахерша.

Дина Сергеевна качнула головой. Острые прядки коснулись уголков рта и чинно улеглись на место.

– Нравится... – потрясенно произнесла она. – Как же это может не нравиться...

Довольная мастерица облегченно выдохнула и затараторила:

– Значит, так! Вам даже ничего особенного делать не придется. После мытья только тщательно расчесать, а на затылке приподнять с помощью вот такой штуки... – И она показала Дине Сергеевне крупную круглую щетку для волос. – Хорошо, конечно, в этом месте просушить феном... У вас есть фен?

Дина Сергеевна отрицательно покачала головой. Парикмахершу это нисколько не расстроило.

– Это ничего, – сказала она. – Можно купить самые крупные бигуди и навернуть пряди на несколько минут. Главное, чтобы до конца не высохли и сильно не кудрявились! А вот эти стильные прядки моделируются гелем. Поняли?

– Конечно, – радостно отозвалась Дина Сергеевна, щедро расплатилась и пошла к выходу.

– Только вам придется... – услышала она на пороге. – Сменить хотя бы... помаду...

– Само собой! – ответила она в девушкином духе и вышла на улицу.

Новую помаду Дина Сергеевна купила в соседнем универсаме, куда зашла за продуктами. Накрасила губы прямо у его зеркальной стены и еще раз подивилась своему преображению. Надо же, как много значит для женщины прическа! Да! И цвет волос! Теперь ей никто не даст больше... тридцати восьми...

В дверях собственного подъезда она столкнулась с тем самым соседом, которого они с дочерью вчера так активно сватали друг другу. Дина Сергеевна почувствовала, что отчего-то краснеет. Сосед автоматически извинился, потом поднял на нее глаза и удивленно произнес:

– Ой, это вы! Я и не узнал... Хорошо выглядите сегодня! Он показал ей вытянутый вверх большой палец и нырнул в припаркованную у подъезда машину. Сердце Дины Серге-

евны ухнуло вниз и мощно забилося где-то в районе печени. Женщина зашла в подъезд и прислонилась спиной к входной двери. Да что же это с ней делается? Это все гадкий сон, где она обнималась с каким-то молокососом! Это все дурацкая болтовня Туськи! Надо немедленно взять себя в руки и приняться за уборку квартиры. Она как раз сегодня планировала все пропылесосить.

Несколько раз Дина Сергеевна ловила себя на том, что застывает посреди комнаты с намертво присосавшейся к старенькому паласу пылесосной насадкой. Думы были такими же неприличными, как давешний сон. Особенно неприятным оказалось то, что в отличие от сна эти думы были четко персонифицированы. Из головы Дины Сергеевны не выходил сосед. И чем он не нравится Туське? Высокий, стройный, с хорошим открытым лицом. Наверно, неплохо зарабатывает... машина есть... и, главное, шикарная квартира. Да! Да! Да! Именно это главное! Квартира у него трехкомнатная, где он после смерти родителей и отъезда старшей сестры в другой город проживает один. Один! Не жирно ли ему будет? Вот они втроем живут в двух крохотных комнатах! В общем, надо все-таки вбить в голову Туське, чтобы она смотрела на соседа ласковей!

Дина Сергеевна в усиленном темпе заработала пылесосом.

Когда она вышла из квартиры с мусорным ведром, опять столкнулась с соседом.

– Представляете, документы забыл! – смущенно проговорил он и окинул ее таким странным взглядом, что сердце Дины Сергеевны опять сместилось в неположенное место. На ватных ногах она приблизилась к мусоропроводу, а сосед уже выскочил из квартиры, потрясая папкой с бумагами.

– Вот они! В коридоре оставил! – отрапортовал ей он и еще раз зачем-то добавил: – Просто потрясающе выглядите сегодня!

Дина Сергеевна просыпала мусор мимо зева мусоропровода, но сосед этого не видел, потому что уже съезжал на лифте вниз. Подбирая с пола смятые контейнеры из-под майонеза, шкурки от бананов и скорлупу яиц, она думала о том, что он зря ее похвалил. Ни к чему это. Лучше бы к Туське пригляделся. Вот ее не грех и похвалить – настоящая красавица. Или это ей, матери, только кажется? Ведь бросил же ее Вовка, подлец! Вот надо было настоять, чтобы они поженились. Все-таки жену так легко не бросишь. Вовка был чудовищно ленив. Он поленился бы заморачиваться с разводом. А так: раз-два, вещи собрал и был таков. А в браке Туська и на детей вполне могла бы решиться. От детей тоже не всякий смог бы уйти. Впрочем, не ей об этом говорить. Она вот осталась же одна с ребенком... А что касается появления на свет Дениса – так об этом лучше вообще не вспоминать. Никогда! Жизнь – штука непростая... И ни за что не угадаешь, как все сложится.

Через два дня отпуск у Дины Сергеевны закончился. Она надела недавно купленный плащик терракотового цвета, который очень удачно подходил к новому оттенку волос, и вышла из квартиры. Одновременно с ней на площадке появился сосед, приветливо поздоровался и, как ей показалось, неприлично улыбнулся. Что она, девица на выданье, чтобы ей так улыбаться? Дине Сергеевне хотелось нырнуть обратно в глубь собственной квартиры. Можно было тоже прикинуться, будто она что-нибудь забыла. Например, выключить утюг... Но... лучше этого не делать! Пусть знает, что ей нет никакого дела до его идиотских улыбок. Что он себе позволяет? Она помнит его сопливым мальчишкой! Через двор как-то его проводила, потому что он боялся собаки...

В лифте сосед смотрел на нее почти неотрывно и все так же призывно улыбался. В конце концов Дина Сергеевна не выдержала.

– Ну что ты на меня уставился, Леша? – зло спросила она.

– Сам не знаю. – Он пожал плечами и добавил: – На красивое всегда хочется смотреть.

– Мы живем дверь в дверь уже сто лет! Что-то раньше ты ничего особенного во мне не замечал!

– Чему и удивляюсь! Вы свою красоту как-то очень умело прятали!

– Да пошел ты! – бросила ему она, вышла из лифта, потом из подъезда и быстрым шагом направилась к остановке троллейбуса. Главное, поменьше с ним разговаривать, и все



будет хорошо.

Соседская машина обогнала ее и остановилась. Из окна выглянул Алексей и предложил:

– А давайте я вас подвезу!

Дина Сергеевна опять хотела заткнуть его тем же «да пошел ты», но вдруг подумала, что еще дней пять назад свободно села бы к нему в машину. Да, но пять дней назад он ей ничего не предложил бы, как не предлагал никогда. И все-таки она сядет в его чертову машину – назло! Он, может, думает, что она откажется, а она сядет! Пусть везет ее на другой конец города!

Дина Сергеевна строевым шагом подошла к «Ауди», рванула дверцу и плюхнулась не на заднее сиденье, на что Лешка, возможно, рассчитывал, а на место рядом с водителем.

– Ну! Вези! – гордо сказала она.

– Куда? – все так же улыбаясь, спросил он.

Она назвала адрес. Алексей присвистнул.

– Что? Выходить? – очень ядовито спросила Дина Сергеевна. – Далековато будет?

– Ну что вы! – весело отозвался он. – Я, наоборот, рад, что мы с вами еще и покатаемся!

И они поехали. Алексей о чем-то спрашивал ее, и она даже отвечала. Со стороны их разговор мог показаться оживленным, но у женщины так тяжело билась в висках кровь, что она потом никак не могла вспомнить суть беседы. Остановив машину возле проходной завода, где работала Дина Серге-

евна, сосед повернул к ней по-прежнему улыбающееся лицо и предложил:

– А давайте я заеду за вами после работы! Вы во сколько заканчиваете?

– Какая тебе разница? – еле выдохнула Дина Сергеевна. – Я в лучшем виде доеду на троллейбусе! Как всегда!

– Зачем ехать в набитом троллейбусе, если есть возможность на машине! Я за вами заеду, и мы сможем... где-нибудь, например, поужинать...

Алексей перестал улыбаться и смотрел на нее очень серьезным взглядом. В лицо Дины Сергеевны бросилась краска. Она схватилась за пылающие щеки руками и, сглотнув подступившую прямо к горлу дурноту, без всякого вопроса в голосе сказала:

– Совсем с ума сошел, да...

– Нет. Вы мне очень понравились, – так же без улыбки ответил он.

– Ага... Сто лет не нравилась, а теперь вдруг... на тебе... понравилась... – пропела она все ту же песню.

– Так часто бывает... Разве вы не знали?

– Я тебе в матери гожусь, Леша! Постыдись!

– Чего мне стыдиться? Я свободный взрослый человек, вы тоже... Кому какое дело, какая между нами разница в возрасте?

– Мне есть дело! Моя дочь – тебе ровесница! Ты бы лучше на нее посмотрел!

– А я смотрел, между прочим. Натуся, конечно, хороша, но вот с ней мы действительно сто лет знакомы. Но я все равно о ней уже подумывал... А тут вдруг с вами метаморфоза какая-то случилась... Вы прическу сменили и еще что-то сделали... Не разбираюсь я в ваших женских штучках, а только заметил, что вы еще лучше Туси. Очень похожи на нее, но лучше... ярче... в вас изюминка такая...

– Пятьдесят лет – вот моя изюминка, понял?!

– Так вам пятьдесят? – искренне огорчился он.

– Да! Представь! Через пару месяцев юбилей!

Алексей промолчал. Дина Сергеевна расхохоталась. Ей вдруг сделалось с ним легко и свободно, как раньше.

– Ну что? Юбилярша, значит, не нужна? – с презрительной улыбкой спросила она.

– Я подумаю над этим, – серьезно пообещал Алексей и открыл ей дверцу машины.

– Ну-ну! Думай, сынок! Если что – подъезжай! Я заканчиваю ровно в 16.30! – отчеканила она, изо всей силы хлопнула дверцей, будто ударила его по лицу, и быстро пошла к проходной.

Когда она после смены вышла на улицу, темно-синей «Ауди» нигде видно не было. Дина Сергеевна понимающе усмехнулась, а в груди что-то неприятно кольнуло. Все! Вышла тетка в тираж! Конечно, сослуживцы сегодня восхищались ее новой прической, ярким колером волос, новым макияжем и терракотовым плащиком, но отсутствие синей

«Ауди» возле проходной одним махом свело на нет все комплименты. Она старая, старая, старая... И как ни прихорашивайся, как ни стригись и не красься, моложе, чем есть, все равно не станешь! Впрочем, зачем ей быть моложе? Разве она собиралась ужинать с этим молокососом? Да никогда! Он ей и даром не нужен! Он в самом деле годится ей в сыновья. Она была дружна с его матерью... Но подогнать свою «Ауди» к проходной все же мог бы! Из элементарной вежливости и порядочности. А то получается, что он подвозит только тех, с которыми потом можно ужинать и... спать... А просто по-соседски... по-дружески... – черта с два! Давись, тетка, в троллейбусе!

На ночь Дина Сергеевна выпила хорошую порцию успокоительных капель Морозова, чтобы ничего непотребного не снилось. Она, без пяти минут юбиларша, должна думать о детях и... о производственном плане родного предприятия. Все! Остальное надо оставить за бортом! И она оставит! Лучше еще раз прикинуть, какой вуз Денису выбрать после окончания школы, а потом она заснет как миленькая под каплями Морозова.

Дина Сергеевна заснула. Ей, разумеется, что-то снилось. Какая-то странная чехарда сменяющих друг друга картинок. Ничего нарочито эротического. Все как всегда. Победа! Полный контроль над снами и... действительностью.

Утром у подъезда на прежнем месте стояла «Ауди» Алек-

сея. Дина Сергеевна видела, что он сидит на водительском месте, и похвалила себя за то, что в ней не дрогнул ни один мускул. Она волевая... пожилая женщина, которой плевать на зарвавшийся молодняк!

Когда она с самым независимым лицом обогнула «Ауди» и прошла по дорожке к детской площадке, через которую было удобно пересекать двор, машина тронулась с места. Дина Сергеевна слышала, как заурчал мотор, и почему-то сразу поняла, что эти звуки издает именно машина Алексея. Но она не повела даже бровью. Какое ей дело до соседских машин? Выходя из подворотни на проспект, она уже забыла и думать о всяческих «Ауди», но сосед заставил ее вспомнить. Его машина перегородила ей проход.

– Что ты себе позволяешь? – взвизгнула Дина Сергеевна и даже в раздражении притопнула ножкой.

– Сядьте, пожалуйста, в машину, – попросил Алексей, высунувшись в окошко.

– Да зачем мне...

– Сядьте, прошу вас... – тихо сказал он, – ...на два слова...

Его тихость Дину Сергеевну удовлетворила. Перестал наглеть – это хороший знак. На всякий случай она огляделась по сторонам. Никаких знакомых поблизости не обнаружила и села в машину, пытаясь сохранить непроницаемое выражение лица. Это оказалось очень кстати, поскольку чертов сосед начал говорить такие вещи, что, не надень Дина Сер-

геевна маску вовремя, вряд ли ей удалось бы это сейчас.

– В общем, так... – сказал Алексей. – Я все обдумал, взвешивал и решил, что вы мне подходите, а потому настойчиво приглашаю вас сегодня поужинать со мной.

– Ну ты даешь! – восхитилась она. – Похоже, мое мнение тебя абсолютно не интересует!

– Если честно, то да... не интересует...

Дина Сергеевна как раз набирала в легкие побольше воздуха, чтобы возмутиться как можно громче и цветистее, но он мгновенно обезоружил ее следующим:

– Я же не замуж вам предлагаю.

Конечно, можно было использовать уже свободно поступивший в легкие воздух, чтобы закричать что-нибудь вроде: «Я тебе не девка, которую можно взять на содержание!» – но Дина Сергеевна поперхнулась, так как вовремя сообразила, что содержание он ей тоже не предлагал.

– Так чего ж ты хочешь-то? – вынуждена была спросить она после того, как хорошенько откашлялась.

– Я же сказал: давайте поужинаем вместе.

– А потом?

– А потом видно будет.

– Интересно, и что же ты сможешь увидеть, когда мы поужинаем? – опять спросила Дина Сергеевна и очень внимательно вгляделась в соседа. Тот глаз не отвел и очень спокойно сказал:

– Ну... мы оба поймем, что делать дальше.

– И какие возможны варианты? – продолжала дивиться его словам Дина Сергеевна.

Алексей нетерпеливым жестом потер подбородок и ответил:

– Вариант номер один: я отвожу вас домой, и мы расходимся по своим квартирам. Вариант номер два: я отвожу вас домой, и мы идем... – Он тяжело вздохнул, но все же сказал: – ...ко мне в квартиру...

– Вариант номер три? – потребовала продолжения Дина Сергеевна.

– Третьего, как говорится, не дано, – усмехнулся он. – Альтернатива: или – или...

– То есть ты открыто предлагаешь мне... переспать с тобой?

– А чего скрывать? – он опять сразу обезоружил ее своей честностью.

– То есть тебе больше не с кем? – нашлась наконец она.

Алексей поморщился, но все же ответил:

– Да есть, конечно, но вот такой, как вы, – не было еще...

– Ты, значит, экспериментатор по натуре.

– Я уже говорил, что вы мне понравились. Что тут еще добавить?

Он был прав. Добавить к их диалогу решительно нечего. Она должна сейчас же дать ему по морде или... согласиться на все его предложения. Дина Сергеевна справедливо подумала, что дать по морде успеет всегда, например, во время

ужина, а потому решила согласиться. В конце концов, в это годы больше, может, уже вообще никто никогда и никуда не пригласит. Не то что в постель, а даже и просто рядом постоять.

Весь рабочий день Дина Сергеевна усиленно размышляла над тем, правильно ли она сделала, что согласилась. Первой пришла следующая мысль: отказать Лешке можно на любой стадии, хоть даже и сразу после работы. Возьмет да и поедет домой на троллейбусе. Что он с ней сделает? Да ничего! С другой стороны, зачем ей ехать домой на троллейбусе, если можно на машине? А после, ночью, можно еще дополнительно получить бесплатные секс-услуги. Он пусть ухаживает за ней, старается, раз ему приспичило, а она будет получать удовольствие. Если учесть, что удовольствие подобного сорта она не получала уже давно, то можно и пренебречь остальными аргументами против ужина с Лешкой. В конце концов, если вдруг что, всегда оставался первый вариант. Они так и договаривались!

Но что скажет Туська, если вдруг узнает, что мать поступила по второму варианту? А почему она непременно должна об этом узнать? Кто ей скажет-то? А если бы и сказали, так что? Она, Дина Сергеевна, много раз предлагала дочери Лешку от чистого сердца. Раз она отказалась, так пусть теперь локти кусает. Да, но что скажут соседи? А почему они должны что-то говорить? Уж с ними-то Лешка ни за что не станет обсуждать свои интимные отношения!



Дина Сергеевна обхватила голову руками и задумалась еще мучительнее. Неужели она, сорокадевятилетняя мать семейства, опустится до секса с мальчишкой тридцати лет от роду? А что, разве ровесники предлагают ей этот самый секс? Нет, она, конечно, сама виновата, что не предлагают. На работе, например, ведет себя так, что никто и не посмеет предложить. А так бы... может, и предложили... Вот, например, Евгений Петрович Рукавишников, начальник отдела труда и зарплаты... Он давно поглядывает на Дину Сергеевну со значением. Но если представить секс с начальником отдела труда и зарплаты, то лучше вообще жить без этой самой зарплаты... Мужики к пятидесяти и далее, они каковы? Если не лысые, так с брюшком, которое мешком выпирает из брюк. А если не с брюшком, то исполосованы морщинами вдоль и поперек – чистые кроссворды... Смотреть противно, не то что...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.